

Ломакина Ольга Валентиновна
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Москва, Россия

Мокиенко Валерий Михайлович
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне*

(карпато)русинский язык – фразеологизм – паремиология – пословица – сопоставительная фразеология

Фразеология и паремиология, как известно, имплицитно содержат значимую информацию о культуре, истории, быте и других аспектах жизни соответствующего народа. Русинский язык (далее – так!) в этом отношении не исключение. Познавательный потенциал русинских паремий особенно четко вырисовывается на фоне межъязыкового сопоставления — особенно на фоне русского и украинского языков (Ломакина, Мокиенко 2016). При этом важно учитывать, что разные группы фразеологии и паремиологии имеют различные качественные и количественные квоты познавательного потенциала.

Для их разграничения, как кажется, необходимо использовать теоретическую дифференциацию фразеологии на **конвенциональную** и **натуральную**. Какие представления во фразеологии разных языков имеют яркую национальную окраску, а какие остаются универсальными — вот главный вопрос, на который пытались и пытаются ответить представители этой лингвистической дисциплины. Разграничение фразеологических массивов славянских языков на

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01062).

эти две категории было предложено Ст. Скорупкой в докладе на IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г. (Skorupka 1958: 124–155; см. также Skorupka 1965: 119–130). Это было время, когда фразеологический «бум» еще лишь начинался и многие теоретические и практические вопросы фразеологии как специальной лингвистической дисциплины только ставились. Один из них — взаимодействие универсального и уникального, общечеловеческого и национально специфического, объективно-материального и субъективно-социального — и попытка поставить польский лексикограф. Разграничение фразеологизмов на конвенциональные и натуральные для него было разграничением диахроническим, ориентированным на их «генезис» (что, между прочим, подчеркнуто и в заглавиях его статей).

«Фразеологические сочетания, которые я называю **натуральными**, — писал он, — часто являются общими для многих языков, возникают независимо друг от друга, поскольку имеют общую основу в явлениях природы, в наблюдениях человека над природой, ее проявлениями и жизнью, в общих физических и психологических видах деятельности человека, в общих условиях развития. Фразеологические же сочетания, которые я называю **конвенциональными**, отражают специфические условия развития данного народа: его занятия, условия существования, обычаи, религиозные и культурные различия, — словом, развитие материальной и духовной культуры человека» (Skorupka 1958: 123).

Этот тезис был проиллюстрирован обильным количеством примеров из разных языков — как славянских, так и неславянских. Эти примеры также даются им с диахронической направленностью, ибо «*tertium comparationis*» разграничения является их внутренняя форма. Вот почему его классификация фразеологизмов достаточно прямолинейно переросла в классификацию их опорных компонентов. Так, к **натуральным** фразеологизмам исследователь относит в основном выражения и обороты, построенные на аналогиях с названиями частей человеческого тела, его внутренних органов, его деятельности и чувств. Соматизмы (т.е. названия частей человеческого тела типа «голова», «рука»), географические и метеорологические термины («море», «океан», «туча»), анимализмы (т.е.

названия животных типа «конь», «собака», «вол») — вот основной набор компонентов, который описывается им в разделе о **натуральной** фразеологии.

Методологическую эффективность разграничения, предложенного Ст. Скорупкой, в последнее время доказывают многие фразеологи-русисты и слависты. Важно теперь прагматически оценить массив русской натуральной и конвенциональной фразеологии с точки зрения ее лингвистической обоснованности и объективности. Основным концептуальным *raison d'être* разграничения «натуральности» и «конвенциональности» является оппозиция **«универсальность: индивидуальность»**. Было бы заманчиво выявить для каждого отдельно взятого языка набор фразеологизмов, относящихся либо к первой, либо ко второй части этой оппозиции. Сделать это, однако, чрезвычайно трудно и для многих фразеологизмов на данном этапе их изученности в принципе невозможно.

В то же время приблизиться к этой цели можно на основе конкретного анализа фразеологии и паремиологии отдельных групп. Соматическая фразеология в этом отношении — благодатное поле исследования, ибо человеческое тело хотя универсально (что делает причисление соответствующих фразеологизмов и паремий к «натуральным» оправданным), но в то же время в процессе культурно-исторических «переживаний» обрывает национально-специфическими, мифологическими, акциональными и др. коннотациями (Валодзіна 2009). В процессе фразообразования соматическая лексика, наряду с зоонимами, фитонимами, колоративами, числительными, терминами родства и др., является одной из приоритетных для использования. Это объясняется универсальными для всех языков понятиями, в отличие, например, от этнолингвомаркёров — компонентов фразеологизмов и паремий (имен собственных, названий артефактов, присущих материальной культуре конкретного народа, этнонимов — названия народов и племен), отражающих национальное своеобразие, «культурную память» и зачастую не имеющих прямых аналогов в другом языке, «благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака» (Ломакина 2015: 94–95).

В современной фразеологии используется различный терминологический аппарат для обозначения фразеогрупп. В.Н. Телия

применяет термин *культурный код* для обозначения системы материальных и духовных знаков, ставших носителями культурных смыслов (Гудков, Ковшова 2007: 9). Так, трактование соматической фразеологии происходит через телесный код культуры (Гудков, Ковшова 2007) как объекты кросс-культурного описания (Брагина 2016).

Здесь диалектически возможен двойной подход к соматической фразеологии — горизонтальный и вертикальный. Горизонтальный предполагает исследование максимально полного набора фразеологических единиц (ФЕ), «нанизанных» на тот или иной стержневой соматический компонент. В таком направлении в основном и ведется анализ соматизмов разных языков (Горды 2010; Городецкая 2007; Долгополов 1973; Кравчик-Тырпа 1987; Русецкая 2012; Тунси 1984 и др.). Масштабность исследуемой таким образом фразеологии может быть весьма внушительной. Так, А.Р. Попова, проанализировав полисемант *рука* на широком пространстве русского языка, включая и его периферию, сделала его объектом специальной монографии. Ею разработана проблема креативного потенциала лексико-фразеологического комплекса как «совокупности всех лексических и фразеологических единиц, непосредственно или опосредованно восходящих к базовой лексеме» (Попова 2012: 6), что позволило выявить влияние отдельной фразеолексемы на систему языка в целом.

Вертикальный подход, менее используемый при анализе соматической фразеологии, предполагает детализированный диахронический и сопоставительный анализ одного фразеологизма со всеми его вариантами на диалектном и межъязыковом пространстве с целью реконструкции его внутренней формы. Таков, например, анализ фразеологических европеизмов рус. *делать ноги*, укр. *робити ноги* ‘быстро убежать’, чеш. *dělat nohu komu* ‘держат кого-л. в напряжении, принуждая к бегству’, нем. *j-n Bein machen* ‘заставлять кого-л. убежать’, рус. *взять ноги на плечи, взять ноги в руки*, белор. *ногі за пояс, узяць ногі ў рукі*, укр. *брати ноги в руки (на плечі, за пояс)* ‘быстро убежать’, пол. *wziąć nogi za pas*, словацк. *vziať nohu na plecía*, чеш. *vzít nohu na ramena*, словен. *vzel je noge pod pazduho*, нем. *die Beine unter die Arme nehmen*, фр. *prendre ses jambes à son cou* и др. (Мокиенко 2010).

Изучению фразообразовательного потенциала соматизмов посвящены исследования ряда ученых, анализирующих как малые, так и большие языки. Назовем некоторые современные направления подобных работ. Так, Тянь Цзюнь сопоставляет соматическую фразеологию русского и китайского (2001), Цай Мин Шин — русского и японского (1998), И.Е. Городецкая — русского и французского (2007), Й.Я. Русецкая — русского и литовского (2010), К.В. Ошроева — русского и кабардино-черкесского (2014), О.С. Шумилина — русского и английского (2014), А.В. Егоров — удмуртского и венгерского языков (2011). Немногочисленны исследования «поведения» соматизмов в паремиологии отдельных языков (Иштрикова 2016; Ойноткинова 2011; Самедов, Гасанова 2016). Ряд публикаций посвящен изучению функционирования соматической фразеологии в текстах отдельных авторов: О.В. Ломакина — в языке Л.Н. Толстого (2009), С.С. Микова — в баснях И.А. Крылова (2009), Е.Н. Сычева — в поэзии Ф.И. Тютчева (2012). В большей части публикаций по данной тематике рассматривается потенциал отдельного соматизма в процессе фразообразования, т.е. исследование ведется в русле упомянутого выше горизонтального подхода.

Фразеологические единицы (ФЕ) с соматизмами воспроизводят в языке «универсалии человеческого существования — общий облик человека, строение его тела одинаковы у всех людей независимо от расовых, национальных или возрастных признаков» (Хайруллина 1996: 81). В зависимости от анализируемого языка может изменяться репертуар соматической лексики, участвующей в процессе фразообразования.

По наблюдениям Н.В. Уфимцевой,

«...при восприятии человеческого тела как культурного предмета русские отдают предпочтение (неосознанно) социальной характеристике той или иной части тела. При этом социальная характеристика в сознании русских наиболее важна для фигуры, головы, лица, глаз, рук» (Уфимцева 1998: 160).

Эта особенность мировосприятия русских отражается в языке. Как увидим ниже, такая «предпочитаемость» свойственна и соматической фразеологии русинского языка, ставшая объектом исследования в нашей статье.

В капитальный двухтомный «Русинско-русском словарь» И. Керча (2007), где лексика представлена весьма полно — в количестве 58 000 слов, естественно, вошла и фразеология. Тем не менее, фразеологизмы здесь включены достаточно выборочно, что легко заметить по отражению в ней соматической фразеологии. Перечислим с максимальной полнотой материал, вошедший в этот словарь для нескольких соматических компонентов:

ГОЛОВА (Керча 2007 1: 171): *числити (держати) в голові* — считать, держать в уме; *не йде (не стає) у голову* — выше понимания, непостижимо; *високо носити голову* — кичиться, держаться свысока, зазнаваться; *тверда голова* — упрямец; *не забивай собі у голову* — не бери в голову; *голову собі сушити из чим* — ломать себе голову над чем, терзаться, мучиться; *сушити голову, ганучи* — терзаться в догадках; *на чум му голова сохне* — что его гложет; *маву того поверх головы* — я этим сыт по горло; *голова ми ся обертат (сохне) уд работы* — хлопот полон рот, дел выше головы, голова идет кругом; *затяг голову межі плечі* сидит тише воды, ниже травы; *най тя голова не болит* — не твоя забота; *[и]спустити голову* — повесить нос; *голова не голова* — невзирая на лица, сплеча, не глядя, без разбора. Под этим компонентом включена и одна пословица — *Уд головы рыба смердит* — Рыба с головы портится.

НУС (НОС) (Керча 2007 1: 607): *тігати за нус* — водить за нос; *пхати нус до дачого* — совать нос во что; *мати нус на што* — держать нос по ветру; *на нус падати* — валиться с ног от усталости.

НОГА (Керча 2007 1: 604): *горі ногами* — вверх тормашками; *вступила обома ногами до живота* — решительно вошла в жизнь; *заплітати ногами* — выписывать кренделя; *стати на ноги* — выбиться в люди; *жити на великих ногах* — жить на широкую ногу; *дати ногам знати, взяти ся у ноги, ноги пуд себе* — дать дёру (стрекача, драла), побежать со всех ног; *ноги дустати* — плохо лежать.

РУКА (Керча 2007 2: 303): *дати собі руки* — обручится, замориться; *свигнути на ся руки* — наложить на себя руки; *што очима видит, руками не лишиш* (флк) — на чужую кашку у него рот нараспашку. Здесь же отражены и две пословицы: *Кажда рука ид собі*

крива — Своя рубашка ближе к телу; *Рука руку мие* — *обі білі* — Рука руку моет, чтобы обе белы были.

УХО (Керча 2007 2: 518): *уха терпнут слухати* (флк) — уши вянут слушать; *у єдно ухо зайде, а у другос уйде* — в одно ухо вошло, в другое вышло.

ЯЗЫК (Керча 2007 2: 604): *то язык цнота над цнотами* — держи язык за зубами; *языком плескати* — балясничать; *язык за зубы! завяжи собі язык! чей тя язык свербит?* — помалкивай, держи язык за зубами; *язык ся му завязав* (флк) — язык пришей к гортани; *пустити язык из ланца* (флк) — дать волю языку; *з языка сьте ми зо взяв* (флк) — я как раз об этом только что говорил; *взяти на язык кого* (флк) — перебивать косточки кому, склонять во всех падежах; *сякое повісти язык ся не покряне* (флк) — язык не повернется сказать так; *лем на язык го є* (флк) — большой говорун — плохой работник; *язык гурше пубе, як меч* — жестоко слово слушает сердце.

Как видим, несмотря на достаточную неполноту фразеологического материала под компонентами приведенных соматизмов, он дает информацию о сходствах и различиях русинской и русской фразеологии. Сходств довольно много, но даже в близких по структуре и компонентному составу вариантах легко обнаружить и различия. Таковы, например, фразеологические параллели *не забивай собі у голову* — не бери в голову, *[и]спустити голову* — повесить нос, *тігати за нус* — водить за нос, *свигнути на ся руки* — наложить на себя руки, *уха терпнут слухати* — уши вянут слушать.

Обращение к другим славянским языкам обнаруживает и переклички русинских фразеологизмов с украинскими, белорусскими, чешскими, словацкими, польскими и др. Так, единый восточнославянско-западнославянский ареал обнаруживает фразеологизм *горі ногами* — белор. *дагары нагамі* — укр. *догори ногами* — пол. *do góry nogami*. словацк. *hore nohami* — чеш. *vzhůru nohama*. Можно найти и более широкие фразеологические связи русинской фразеологии.оборот *язык за зубы!*, зафиксированный И. Керча, например, имеет общеславянскую пространственную проекцию: рус. *держат язык за зубами* ‘молчать, не болтать, не говорить лишнего; быть осторожным в высказываниях’, бел. *трымаць (дзяр-*

жаць) язык за зубами, укр. тримати (держати) язык за зубами, пол. *trzymać język za zębami*; чеш. *držet jazyk za zuby*, словацк. *držať jazyk za zubami*, болг. *дръж си езика <зад зъбите>*, хорв.-серб. *metnuti jezik za zube*, словен. *držati jezik za zobmi*. О древности и вероятном общеславянском происхождении таких идиом свидетельствует хронология их фиксации. Так, пол. *mieć język za zęby* зафиксировано уже в 1527 г., *chować język za zęby* — в 1614-м, а *trzymać język za zęby* — в 1650-м (НКР 1: 869–870), а др.-чеш. *mievaj (jměj) jazyk za zuby* — еще раньше, в 1457 г. (Flajšhans 1911 1: 436). Характерно и то, что образность неславянских европейских эквивалентов этого фразеологизма иная, чем в приведенных славянских: нем. *seine Zunge hüten (im Zaum halten), den Mund halten*; англ. *to keep one's mouth shut*; фр. *tenir sa langue*; итал. *tenere la lingua a freno; tenere la lingua a casa* и под.

Понятно также, что во фразеологическом и паремиологическом фонде русинского языка немало и единиц, унаследованных от книжной общеевропейской культуры. Явно такого происхождения пословица с соматизмом *рука — Рука руку мое — оби білі*. Она восходит к античности — ср. греч. *Cheir cheira niptei*, лат. *Manus manum lavat*. Исследователи приписывают ее древнегреческому писателю Эпихарму, латинское выражение встречается у Сенеки и Петрония. В результате эксплицирования выражения *рука руку мое* в русском, так же, как и в русинском языке возникли посл. *Рука руку мое* — обе белы живут; *Рука руку мое, а обе хотят белы быть*; *Рука руку мое, вор вора кроет* (Тимошенко 1897: 34; Михельсон 1905 2: 203; Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000: 434). Пословица относится к древним паремиологическим универсалиям и известна большинству европейских языков, удаленных друг от друга по происхождению и географии, — например, армянскому, английскому, датскому, шведскому, испанскому, итальянскому, португальскому, греческому, венгерскому, эстонскому, карельскому, финскому, литовскому, ливскому, латышскому и др. Ср. англ. *One hand washes another*; ср. *To scratch my back and I'll scratch yours*; нем. *Eine Hand wäscht die andere*. Наличие ее в арабском («Рука моет руку») и в персидском («Когда одна рука моет другую руку, то последняя в свою очередь моет лицо») отвергает возможность

отнесения ее к определенному античному автору (Paczolay 1997: 174–178). Варианты же, подобные русинскому и русскому, давно зафиксированы и в других славянских языках, на пример: бел. *Рука руку мые, каб абедзве белыя былі; Нага нагу падпірае, рука руку абмывае*; укр. *Рука руку мие*; болг. *Рѣка рѣка мие, да бѣдат и двете бели*; серб. *Рука руку мије, образ обадије* (Котова 2000: 132).

Несомненным примером русинско-общевропейского фразеологического наследия является и выражение *тигати за нус*. Оно известно, как славянским, так и неславянским языкам: бел. *вадзіць за нос*, укр. *водити за ніс*, в.-луж. *za nós wodźić*, болг. *водя за носа някого*, хорв.-серб. *vući / povući (voditi) za nos*; нем. *an der Nase herumziehen (herumtanzen)*; фр. *mener par le nez qn.; mener qn par le bout du nez*; англ. *to lead one by the nose* и др. Выражение древнее, известно уже в др.-греч. *τήσ ρίνο ἔλχεiv* (у Лукиана и других писателей) — отсюда и его широкая употребительность в современных языках (Михельсон 1903 1: 112). Метафора связана со способом управлять животными (быками, лошадьми и т.п.), которых водят при помощи кольца, продетого в ноздри. В европейской традиции этот образ актуализировался сравнением с медведями, которых водили напоказ за кольцо, продетое в нос. (Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 478).

Отражает русинская фразеология и славяно-общевропейские языковые контакты, овеванные культурологическими ассоциациями более позднего времени. Таково, например, выражение *жити на великих ногах*, имеющее и варианты, зафиксированные фразеологическим словарем Д. Попа: *жити нашироко — жити на широку ногу* (Поп 2011: 124, 28). Как и рус. *жить на широкую (большую) ногу (на большой ноге)* ‘жить богато, широко, не считаясь с затратами’, оно активно употребляется во многих европейских языках — например, нем. *auf grosser Fuß leben; auf gutem Fuße leben (etw. tun)*; и фр. *vivre sur un grand pied [dans le monde]; être sur un grand pied*.

История выражения связывается с модой на обувь с длинными, острыми, загнутыми кверху носками, возникшей в Англии XII в. при короле Генрихе II. У короля был болезненный нарост на большом пальце правой ноги, и поэтому он заказал себе башмаки с длинными носами. Придворные подхватили эту моду. По размерам обуви

начали судить о зажиточности и знатности ее владельцев, причем единицей измерения служил фут (25–40 см). В XII в., когда такая мода достигла в Европе кульминации, обувь князя, например, была длиной 2,5 фута, барона — 2 фута, рыцаря — 1,5 фута, а у простых горожан — всего лишь 1 фут. У аристократов и каблуки полагалось иметь повыше — в противоположность простому люду. Лишь при Карле V эта мода была упразднена. Историю такой моды, а соответственно и выражения историки европейской фразеологии связывают и с другими известными лицами — особенно Дж. Плантагенетом, графом Анжуйским, обладавшим якобы тем же недостатком, что и английский король. Такие башмаки французы называли *chaussure à la poulaine* — «башмаки с клювом» (Röhrich 1991 1: 491).

При всей «исторической» красочности и общепризнанности этой версии, она с лингвистической точки зрения может быть опровергнута как этимологический анекдот. Во многих языках (в том числе в русском) по данной модели образовано множество фразеологизмов типа: *на большую ногу, на босу ногу, на военную ногу, на короткую ногу, на родственную ногу, на вольную ногу, на барскую ногу, на новую ногу, на холостяцкую (холостую) ногу* и т.п. Важно, что такие варианты распространены и в просторечии, и в народных говорах. Вполне возможно поэтому, что выражение *на большую ногу* и его варианты возникло в народной речи и отталкивается от универсальной метрической символики ноги, отраженной и метрической терминологией разных языков — англ. *фут*, рус. *стопа* и др. *На большую* или *широкую ногу* первоначально служило мерилom расстояния и лишь потом развило переносное значение на основе естественной ассоциации «мощного» человека и широкого шага с сильным и влиятельным человеком (ср. *исполинскими шагами, семимильными шагами* или *одна нога здесь — другая там*). Собственно, и внутренняя логика исторического анекдота о башмаках Генриха II противоречит логике выражения: последнее имело бы форму *жить на длинную (или остроносую) ногу*, а не *на большую и широкую* (Мелерович, Мокиенко 1997: 456–457; Рязановский 2002: 298–299). Славянские параллели — бел. *на шырокую ногу*, укр. *на широку ногу*, болг. *не ще допусна да ме настъпниш по крака*, хорв.-серб. *živjeti na velikoj (visokej) nozi* и др. позволяют предпо-

честь именно «метрическую» версию о происхождении фразеологизма (Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 475–476). И русинские выражения *жити на великих ногах*, *жити на широку ногу* и *жити нашіроко* — один из убедительных аргументов в ее пользу.

При всей универсальности (в терминологии Ст. Скорупки «натуральности») соматических фразеологизмов, отраженной, как мы видели, и в русинском языке, некоторые из приведенных фразеологизмов и пословиц, описанных в словаре И. Керча, отражают и специализированные языковые связи данного региона. Показателен в этом отношении фразеологизм *голова не голова*. Он не зафиксирован ни в русском, ни в белорусском, ни в украинском языках и даже ни в их диалектах, но активно употребляется в словацком и чешском: *hlava nehlava* в том же значении, что и в русинском. В чешском он сочетается как с ударными глаголами (*bít, bušit, mlátit, řezat, tlouci* и под.), так и с глаголами движения (*běžet, jet* и под.) (Mokienko, Wurm 2002: 159; SČF 1994 3: 210). Судя по всему, в русинском языке этот оборот — наследие русинско-чешских языковых контактов, следы которых отражаются во фразеологии разных тематических групп (Ломакина, Мокиенко 2016). К такому же типу языковых контактов, как кажется, относится и пословица, играющая в русинском языке роль поговорки — *Кажда рука ид собі крива*. Ср. чеш. *tá obě ruce levé, tá obě ruce dozadu* — ‘о неумелом, неловком человеке’ (Mokienko, Wurm 2002: 445). Можно в приводимом ряду примеров найти и собственно русинские фразеологизмы — к токовым, как кажется, относятся выражения *ногы дустати*, *сякое повісти язык ся не покряне* (флк), *што очима видит, руками не лишиш* (флк). Не случайно И. Керча маркирует два последних оборота пометой «фольклорное».

Русино-славянские и русино-общеевропейские фразеологические параллели особенно четко выявляются при сосредоточении анализа на какой-либо одной группе соматизмов. Остановимся в этом ракурсе на русинской фразеологии с компонентом *око* (*воко*). Фразеологизмы такого рода уже подвергались анализу на материале других языков — напр., русского (Власова 1997; Ломакина 2009; Рябинина 2005), русского в сопоставлении с литовским (Русецкая 2010), русского в сопоставлении с польским (Горды 2010), русского

в сопоставлении с сербским и французским (Милутинович 2017) и др. Эти исследования демонстрируют весьма большие схождения фразеологии этой группы в разных языках, что вызвано как универсальностью избранного соматизма, так и активными межъязыковыми и культурными контактами соответствующих народов.

Приведем сначала русинский материал, отраженный в словаре И. Керча, который исчисляется 10 фразеологизмами (Керча 2007 2: 16):

ОКО (ВОКО): *куряче око* — мозоль с глазком; *морское око* — плесо; *краём ока* — мельком; бегло; *позирати на едно око* — смотреть одним глазом; *впасти в око* — приглянуться; *про око* — для отвода глаз; внешне, для видимости; для виду; *мати око на кым* — следить за кем-л.; *быстрое око* — наблюдательность; *дуже кривым оком позирав* — относился с большой неприязнью; не поощрял; *сокотити, ги око в голови* (флк) — беречь, как зеницу ока.

В отличие от лексического словаря И. Керча фразеологический словарь Д. Попа (2011) включает в свой словник гораздо больше выражений и пословиц с компонентом «глаз» — их общее число (включая варианты) около 60. Поскольку они расположены в словаре не по гнездовому принципу, а по порядку первого компонента фразеологизма, поэтому мы ниже концентрируем их по ориентации на стержневое слово *око*, давая в круглых скобках указание на страницу словаря. При этом делается попытка сгруппировать их тематически, т.е. по семантике, формируемой метонимическим переосмыслением слова «око».

По результатам сопоставительного анализа русской, сербской и французской фразеологии с компонентом «глаз» (Милутинович 2017: 89–90), самой продуктивной во всех языках является группа «Человек как живое существо» с подгруппой «Зрительное восприятие», а самое большое несоответствие наблюдается в подгруппе «Самочувствие», что подтверждает общую закономерность фразеологии, в которой отрицательно коннотированные поля всегда являются более мощными (в количественном соотношении), чем поля с положительной коннотацией.

Материалы русинской фразеологии с соматизмов «око» подтверждают это наблюдение. Тематика «Зрительного восприятия» отражена во многих выражениях:

на свої вѣчи відіти, бачити на власні очі — видеть собственными глазами (81, 172); *миче ся у вѣчи, кидається у вічі* — бросается в глаза (7, 165); *упасти у воко, кинутись у вічі* — броситься в глаза (223); *умітовати у вѣчи, жбурляти межі очі* — бросать в глаза (223); *не мож удорвати вѣчи, очей не відірвати* — глаз не оторвать (15, 174, 180); *упертися вѣчмі, уп'ялитися очима* — уставиться глазами (86, 224); *нінашто и побзерати, ніде й оком зачепитись* — не на чем и глаз остановит (186); *і в очі не бачити* — и в глаза не видеть (33, 133); *ніде й оком зачепитись* — не на чем и глаз остановит (58–59); *впасти у (в) воко* — пригляднуться (74); *упозерати усі вѣчи, видивити всі очі* — проглядеть все глаза (224); *позерати ги коза на дубак, робити великі очі* — смотреть большими глазами (80, 192). Эта же семантическая доминанта характерна и для некоторых пословиц: *Што вѣчи видали, тото руки не лишали — очі бачили* — руки хватали — глаза видали — руки хватали (232); *Бачать очі, та ба* — Видит око, да зуб неймет (10); *Ко має вѣчи-око бачить далеко, а розум ще далі* — Видит око далеко, а ум еще дальше — не каждый видит (10).

Естественно, что семантика «зрительное восприятие» проявляется имплицитно и в таких фразеологизмах, где она не выражается столь прямолинейно, как в приведенных примерах. Так, в выражениях *іли бы вѣчи, а рот не хоче, іли б очі, та рот не хоче* — глаза бы ели, да рот не хочет (15, 140); *лем бы вѣчи іли, іли би очі, та губа не хоче* — сам-то наелся, да глаза не сыты (158); *лем бы вѣчи іли, іли би очі, та губа не хоче* — сам-то наелся, да глаза не сыты (77) глаза как бы исполняют функцию рта (ср. *есть глазами*), но, в сущности, — это лишь метафорическая перифраза, усиливающая значение ‘смотреть’, т.е. ‘смотреть с жадностью, вожделенно’. Иначе имплицитруется та же семантика в выражениях *и не кліпне, і оком не моргне* — глазом не моргнет (15, 138); *бреше у живі вѣчи, бреше і оком не моргне* — врет, и глазом не моргнет (12, 100): здесь неморгающий взгляд характеризует способность бесстыдно лгать, ибо стыдливый и правдивый человек отворачивает взгляд, говоря неправду.

У трусливого человека зрительное восприятие нарушается его расплывчивостью: *Хто боїться, у того в очах двоїться, Ко ся*

бойить, тому ся и привиджять — У страха глаза велики (86, 154, 209), И наоборот, — правдивый и отважный человек своего взгляда не отворачивает: *ставати віч-на-віч з правдою* — смотреть правде в глаза (80, 192). В оборотах же *лізти у вочи, лізти у вічі* — лезть в глаза (46, 159); *лізе в очі, мов оса, пхаєся у вѣчи ги оса*, — лезет в глаза как оса (199) зрительное восприятие обозначается, так сказать, *ad adversum*: объект такого действия навязывает себя его субъекту. Такое восприятие «искривляется», если что-л. делается для обмана, для видимости действия: *про людське око (робити)* — для отвода глаз (делать) (197, 201). Обман достигается и нарушением способности видеть с помощью затуманивания глаз: *лем обы вочи замастити, напустити в очі туману* — лишь бы в глаза пыль пустить (46, 158).

Пространственную характеристику зрительного восприятия выражают фразеологизмы *на очах* — на глазах (206) и его относительные антонимы *иди ми з вѣч! геть з-перед очей!* — с глаз долой! (78, 135). Направленность в некое неопределенное пространство характеризуется выражениями *ити у світ куда вѣчи ведуть (куды шире, туды дале), ити у світ — іти (ніти) світ за очі, куди очі світять* — куда глаза глядят (44, 139, 156, 199), *податись світ за очі* — податься куда глаза глядят (198). Пожалуй, сюда можно отнести и такой оригинальный русинский оборот, как *ишли вѣчи, де были снѣчи, пішли очі світ за очі* — пошли глаза туда, где были вчера (74, 139).

Русинская фразеология с соматизмом *око* выражает и физические свойства органа зрения: *такі вѣчи ги цибулі, очі мов цибулі* — глаза как луковицы (214), *такое лем ги чортово воко, як чортове око* — как чертов глаз (216) и под. Чрезмерное расширение, увеличение глаз оценивается обычно негативно — как рефлекс необычного удивления или состояния аффекта: *вирачувати, вирачити очі, упулити вѣчи* — тарашить глаза (83, 224). Необычные ситуации (сильный удар, гнев и под.) также вызывают необычную реакцию органов зрения: *аж му искры з вѣч фыркавуть, аж іскри з очей полетіли* — у него аж искры из глаз посыпались (86, 95); *аж звізды увідьѳв — аж каганці в очах засвітилися* — аж искры из глаз посыпались (95). Повреждение глаз, вызывающее нарушение

их основной функции, воспринимается как досадная помеха как в прямом, так и в переносном смысле: *ги більмо на оці, як більмо в оці* — как бельмо на глазу (38). И, наконец, с полным повреждением органа зрения сравнивается абсолютная темнота: *темно ся ги бы за вѣчи имив, темно, хоч око виколи* — темно, хоть глаз выколи (218).

Образ болезненных уколов глаз используются и в пословицах о трудностях, связанных с правдивой прямолинейностью (*Правда вѣчи коле, правда очі коле* — правда глаза колет — 195) или отплатой мне благодарностью за благодеяния: *Споможи сироту — укоплетти вѣчи, Допоможи сироті — очі виколе* — Помоги сироте — глаза выколет (208). Кстати, в этом плане в животном мире такое поведение исключается, ибо особи своего вида, по пословице, не могут друг друга лишать способности зрительного восприятия: *Ворона вороні воко не удовбать, Ворон ворону ока не видовбає* — ворон ворону глаз не выклюет, Ворона вороне глаз не выклюет (103, 231).

Легко увидеть, что русинская фразеология и паремиология с компонентом *око (воко)* столь же во многом универсальна, как и приводимые выше другие соматические фразеологизмы. Здесь есть и фразеологизмы, ограниченные локально русинским, восточнославянским или русинско-чешско-словацким ареалом с одной стороны, и пословицы и поговорки, имеющие древние общеевропейские параллели.

К типу русинских регионализмов можно, пожалуй, отнести *дуже кривым оком позирав, про око, ніде й оком зачепитись, Ишли вѣчи, де были снѣчи — пішли очі світ за очі, маты око на кым, Хто боїться, у того в очах двоїться* и под. Но и здесь необходим специализированный анализ для констатации собственно регионального характера таких фразеологизмов. Так, *маты око на кым* 'следить за кем-л.' мы отнесли к собственно русинским, хотя оно перекликается с чеш. *tá oko na so* 'у него наметанный глаз' (Mokienko, Wurm 2002: 346).

Осторожный подход необходим и при диагностике русинско-чешско-словацких фразеологических схождений. Несомненны такие ареальные переклички, как *впасти в око* 'приглянуться кому-л.' — чеш. *radnout do oka komu* 'приглянуться, понравиться

кому-л.', 'броситься в глаза кому-л.' (Mokienko, Wurm 2002: 346), *куряче око* 'мозоль с глазом' — *kuří oko* 'мозоль на пальце ноги' (Павлович 1959: 236), *морское око* 'плесо' — словацк. *morské oko* 'небольшое горное озеро' (Исаченко 1957). Как кажется, они действительно проникли в русинский язык из чешско-словацкой языковой среды. Но — если продолжить лингвистические изыскания даже таких случаев, то мы обнаружим и более широкие ареальные проекции самого чешского или словацкого первоисточника. Так, *kuří oko* хотя и давно уже активно употребляется в чешском языке, порождая даже шуточные переделки вроде «загадки» *Proč kuří oko nespí?* (Почему «куриный глаз» не спит?) с ответом: *Protože ve dne v noci na nohou* (Потому что он днем и ночью на ногах). Однако, оно — не исконно чешское, а является калькой с нем. *Hühnerauge* (SČF 2: 214). Еще более широкие межъязыковые границы имеют русинское *морское око* 'плесо' и словацк. *morské oko* 'небольшое горное озеро'. А.В. Исаченко, посвятивший специальный очерк этому выражению, ставшему топонимом — названием горного озера в Татрах, привел широкие индоевропейские параллели подобных обозначений водных источников на основе древней метафоры «глаз» → «водный источник» (Исаченко 1957). Тем не менее, как кажется, исследователь межъязыковых контактов русинского языка и здесь имеет право констатировать именно «ближние» связи, т.е. взаимодействие с чешским и словацким.

Активные контакты с западно-славянским ареалом (как и заимствования из венгерского и других соседних языков) не изменили, разумеется, генетическую принадлежность русинского языка к восточнославянской языковой группе. Фразеологический материал предлагает убедительные свидетельства этому. Выражение *темно ся ги бы за вѣчи имив, темно, хоч око выколи* — темно, хоть глаз выколи — один из подобных типичных примеров. Оно известно в бел. *цёмна хоць вока выкалі* (РБС 1995 1: 256), в украинских диалектах — *темно, хоч очі выколи* (ПП 1989: 52), *хоч око выколь, так темная ніч* (ПП 1989: 78), но в чешском и словацком его эквиваленты строятся на иной образности: *tma jako v pytlí; (je) tma jako v ranci; tma jako v holínce; není na krok vidět* (Stěpanova 2007: 131). Столь же отличаются и фразеологизмы *лізти у вѣчи, лізти у вічі* — бел. *лезці*

ў вочы, укр. *лізті на очі (в очі, у вічі)* от чешских оборотов, которым приходится этот фразеологизм передавать описательным эквивалентом: *snažit se být komu na očích, poutat pozornost, ukazovat se komu* (VRČS 2: 151). При этом словацк. *liezť na oči komu* (VRSS 2: 190) практически тождествен восточнославянским фразеологизмам.

Восточнославянский ареал имеют и русинские фразеологизмы *упозерати усі вѣчи, видивити всі очі* — проглядеть все глаза — ср. бел. *праглядзець усе вочы*, укр. *видивити (выглядіти) всі очі*. К этой группе можно отнести и фразеологизмы: *аж му іскры з вўч фыркавуть, аж іскри з очей полетіли, аж звізды увідьўв, аж каганці в очах засвітилися* — аж искры из глаз посыпались — ср. бел. *іскры з вачэй насыпаліся*, укр. *аж в очах заіскрилося, аж зірніці засвітили (засвітилися) в очах; аж іскри з очей полетіли, аж свічки (каганці) в очах засвітилися*. Ср. также *ити у світ куда вѣчи вѣдуть (куды шире, туды дале), ити у світ — іти (ніти) світ за очі, куди очі світять, податись світ за очі* — куда глаза глядят — ср. бел. *куды вочы глядзяць*, укр. *куди очі дивляться (бачать, світять)*.

Широта ареала русинских фразеологизмов, естественно, как выше уже было отмечено, во многом обусловлена и культурологическими факторами. Одним из них, естественно, было и влияние Библии. Но даже прямые библеизмы могут отличаться в разных славянских языках, отражая различия как в конфессии, так и в источнике заимствования. Типичен в этом отношении сравнительный оборот *беречь (хранить) пуце глаза кого, что* ‘относиться к кому-, чему-л. исключительно бережно, усиленно хранить, оберегать кого-, что-л.’, который является производным от выражения *беречь как зеницу ока*. Он имеет параллели во многих языках — например, бел. *берагчы як зрынку вока*; укр. *паче ока стерегти, берегти більше зіниці ока, берегти як зіницю ока, берегти як (більш ніж) ока в лобі (в голові)*, словацк. *chrániť ako oko v hlave*, чеш. *jako oko v hlavě*, болг. *пазя повече от очите си*; хорв.-серб. *čuvati (pažiti, voljeti) kao oka (oči) u glavi* и др. Но, как видим, если белорусский и украинский языки сохраняют в составе этого фразеологизма слово «зеница», то в западнославянских языках употребляется близкий, но не тождественный образ — «глаз в голове».

Немало русинских (как и других славянских) фразеологизмов приобшились к европейскому ареалу благодаря калькированию с неславянских языков. Особое влияние на чешский, польский, словацкий, украинский и русский языки оказал, как известно, немецкий. Один из следов такого влияния на русинскую фразеологию находим в обороте *робити великі очі* — смотреть большими глазами. Ср. бел. *глядзець вялікімі вачамі, дзелаць бальшыя (бальшыя) вочы*, укр. *дивитися великими очима, робити великі очі*, в.-луж. *wulke woči činić*, чеш. *dělat velké oči*, слвцк. *vyvalovať oči* и др. Предполагается, что все они — результат калькирования с нем. *grosse Augen machen* (Опыт 1987: 53) и являются, вероятно общим германоязычным наследием — ср. англ. *to make big eyes*.

Русинские фразеологизмы и пословицы с компонентом *око* могут иметь и еще более широкий иноязычный ареал, выходящий даже за пределы общеевропейского. Таковы, например, пословицы *Ворона вороні воко не удовбать* и *Ворон ворону ока не видовбає*. Как и русская *Ворон ворону глаз (глаза) не выклюет (не выключет)*, она имеет древнее происхождение и в европейских языках известна с античных времен. Характерно, что, как и в русинских, *ворон* в таких пословицах легко заменяется на *ворону*: укр. *Ворон вороніві ока не виклює, Ворона вороні око не виклює*; польск. *Kruk krukowi oka nie wykole (nie wydziobie)*; чеш. *Vrána vráně oka nevykline*; в.-лужицк. *Karwona karwonje wocy njewudrapjo, Róna druhej woči njewudrapa, Róna rónu njedyrnje; Jadna karwona tej druhej tej wocy njewudrapjo, Wróna wrónje woči niewudupa*; болг. *Гарван гарвану око не вади; Гарга на гарга око не вади*; словен. *Kdaj vrana vrano piple?, Kdaj vrana vrani oči izkluje?*; хорв. *Vrana vrani neće oči skopati*; литовск. *Warno warnós akkies ne kerta*; нем. *Eine Krähe wackt der andern die Augen nicht aus*; голланд. *De eene kraai pikt de andere geene oog en uit*; швед. *Den ena korpen hackar ej ögat ur den andra*; фр. *Corbeaux avec corbeaux ne se crèvent jamais les yeux, Un corbeau n'arrache point l'oeil à l'autre*; испан. *Con un lobo no se mata un otro*; итал. *Corvi con corvi non si cavano gli occhj*; португал. *Corvos a corvos não se tirão os olhos*. венг. *Holló a' hollónak ki nem vajja szemét*; лат. *Cornicum oculos configere, Cornix cornici nunquam confodit ocellum* и др. (Walter 2013: 140–141). В основе этой пословицы — народное наблюдение за хищниками одной породы, которые редко увечат друг друга.

Русинский язык сохранил и одну из реликтовых, древнейших пословиц — *Хаща — вухо, поле — воко — ліс — вухо*, которая, как и русская *Лес слышит, а поле видит*, предупреждает об опасностях, подстерегающих человека в лесу и безлесом пространстве. Она известна в разных вариантах многим индоевропейским и неиндоевропейским языкам, на пример: бел. *Лес чуе, а поле бачыць*, пол. *Pole má oczy, a las uszy*; нем. (диалектн.) *Das Feld hat Augen, die Winckel ynd Wäld ohrn*; англ. *Field has eyes and wood ears* лит. *Laukas akylas, miškas ausylas, Laukas mato, miškas girdi*; латыш. *Mežs ar ausīm, lauks ar acīm*; фр. *Le bois a oreilles et le champ des yeux, Les haies louket, les bouhons houtet*; исп. *Montes ven, paredes oyen*; лат. *Campus videt et nemus audit, Campus oculos habet et nemus aures* и др. Зафиксирована она и в чешском, португальском, эстонском, карельском, финском, водском, исландском, шведском, турецком, грузинском, санскритском и других языках.

Можно выделить несколько ее доминантных синтаксических моделей-«версий»: 1. Поле глазастое, лес ушастый. 2. Поле видит, лес слышит. 3. Поле имеет глаза, лес уши. 4. Поле с глазами, лес с ушами. 5. Глаз поля, ухо леса. 6. В поле глаза, в лесу уши. 7. В поле далеко видно, в лесу далеко слышно (Grigas 1987: 321).

Как видим, русинская фразеология и паремиология дает богатый материал для широких межъязыковых сопоставлений, ареальный диапазон которых соизмерим с ареальным диапазоном других литературных славянских языков — от узко регионального до общеевропейского и — шире — до ностратического. Понятно, что в любом конкретном случае сопоставительная амплитуда каждого фразеологизма и пословицы требует специализированного историко-этимологического анализа. И здесь также русинская фразеология может дать историкам славянской фразеологии весьма ценные аргументы в пользу той или иной этимологии.

Такова, например, пословица *Коло многих баб дьитина голодна*, зафиксированная русинскими источниками в разных вариантах: *Де багацько няньок, там дитя без голов, Сім баб, сім рад, а дитя безпупе, Де дві таздыні, там істи нішто, Де дві таздыні, там хижка не метена*. Они эквивалентны известной русской пословице *У семи нянек дитя без глаза*.

Историко-этимологическая интерпретация этой русской пословицы различна. Слово *глаз* в ней, по прочтению некоторых фразеологов, имеет не прямое соматическое значение, а переносное — ‘присмотр, надзор’ (Пермяков 1985: 52; Фелицына, Прохоров 1988: 104; Зимин, Спирын 1996: 135). Другие историки русского языка и фольклористы возводят пословицу к конкретному эпизоду русской истории — так называемой Семибоярщине в Смутное время (1610–1611 гг.). Тогда в Москве был от царствования отрешен и заключен в Чудовский монастырь Василий Шуйский, а семь членов Боярской думы (князя Мстиславский, Воротынский, Трубецкой, Лыков, два Голицына, Иван Никитич Романов и боярин Шереметьев) образовали правительство, которое в народе назвали «сѣдмочисленные бояре» или «Семибоярщина». Именно они впустили в Москву польские войска под командованием канцлера Станислава Жолкевского и были готовы признать русским царем сына Сигизмунда III Владислава — «конкурента» лже-Дмитрия II. Скоро оказалось, что «сѣдмочисленные бояре» являются фиктивным правительством и вынуждены своим именем подписывать указы и распоряжения оккупационных властей. Каждый из них, отстаивая собственные интересы, ввергал Россию в общую беду. Народное ополчение Минина и Пожарского, разгромив польское войско, положило конец и семибоярщине, которая оставила в народе долгую и недобрую память. Любую порожденную властью неурядицу на Руси стали называть *московской разнобоярщиной*, а пословица *Лучше грозный царь, чем семибоярщина* отдает предпочтение жесткому единовластию перед нерешительным и коррумпированным многоправством. Семь бояр при таком прочтении якобы и есть те самые «семь нянек» в пословице (Михельсон 1905 2: 423; Муравьев 1997: 77–79; Грушко, Медведев 2000: 477–478).

Русинские варианты этой пословицы позволяют убедительно отвергнуть оба приведенных объяснений. Во-первых, *дитя без голов* и *дитя безпупе* никак не укладываются ни в логику переносного значения слова *глаз* ‘надзор, присмотр’, ибо эти русинские пословицы основаны именно на соматизмах, хотя и иных, т.е. это именно соматическая, а не иная паремиологическая модель. Во-вторых, фиксация русинских вариантов исключает прямую связь с рус-

ской исторической Семибоярщиной не только потому, что русины к ней никакого отношения не имеют, но и потому, что в пословице с компонентами *дитя без голов* числительное отсутствует, а в пословице с сочетанием *дитя безпупе* речь идет всего об одном детском соматизме — пупе. Тем самым остается признать иное буквальное прочтение пословицы: при большом количестве присматривающих ребенок легче может лишиться глаза, стать безглазым (Цвиллинг 1984: 87; Влахов 1980: 237). О таком прочтении свидетельствуют и другие славянские соответствия русской пословицы: бел. *У сямі нянек дзіця без носа*; укр. *Де багато няньок, там дитя без голови (каліка)*; *Сім баб — сім рад, а дитя безпупе*; пол. *Gdzie nianiek wiele, tam dziecko bez nosa (garbate)*; болг. *Девет баби — хилаво дете* и т.п. (Котова 2000: 102–103). В одном лишь польском, кроме уже названной пословицы, есть и такие варианты, как «Где много нянек, там ребенок без руки или без ноги», «Где много нянек, там ребенок без головы», «Где много нянек, там ребенок горбатый (хромой, кривой, калека, больной)». Показательно, что и в современном русском фольклоре, в жанре так наз. «антипословиц» у этой паремии эксплицируется именно соматический компонент: *У семи нянек дитя без глаза, а у четырнадцати — без двух! У семи нянек... четырнадцать сисек* (Walter, Mokienko 2002: 98–99).

Фразеологизмы с компонентами-соматизмами отражают органическое единство душевной, психической и телесной характеристики человека, что дает возможность шире описать концепт «Человек», затрагивая такие стороны, как эмоционально-психические особенности, физическую и речевую деятельность, интеллектуальные свойства, физиологическое состояние и т.п. Русинская соматическая фразеология и паремиология убедительно доказывает значимость такой характеристики языковыми средствами. Отражая концептуальную универсальность соматизмов, они в то же время демонстрируют как конкретные межъязыковые и культурные связи с фразеологией других народов, так и собственную национальную специфику, сформировавшуюся на конкретной территории в конкретный исторический период.

Литература

- Берков – Мокиенко – Шулежкова 2000 – В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. *Большой словарь крылатых слов русского языка*. Москва: Русские словари.
- Бирх – Мокиенко – Степанова 2005 – А.К. Бирх, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов*. (СПбГУ. Межкафедральный словарный кабинет им. Б.А. Ларина). Под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Астрель.
- Брагина 2016 – Н.Г. Брагина. Кросс-культурный тематический классификатор: принципы составления. В.Г. Костомаров (ред.). *Русская грамматика 4.0: Сборник тезисов Международного научного симпозиума*. Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 363–366.
- Валодзіна 2009 – Т.В. Валодзіна. *Цела чалавека: слова, міф, рытуал*. Мінск: Тэхналогія.
- Власова 1997 – Н.А. Власова. *Фразеологическое гнездо с вершиной глаз в общенародном языке и говорах*. Автореферат канд. дисс. ... филол. наук. Орел.
- Влахов 1980 – С. Влахов. *Руски пословици*. София: Наука и изкуство.
- Горды 2010 – М. Горды. *Соматическая фразеология современных русского и польского языков*. Щецин: Изд-во Щецинского ун-та.
- Городецкая 2007 – И.Е. Городецкая. *Фразеологизмы-соматизмы в русском и французском языках*. Диссертация ... канд. филол. наук. Пятигорск.
- Грушко – Медведев 2000 – Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. *Современные крылатые слова и выражения*. Москва: Рольф, Априс Пресс.
- Гудков – Ковшова 2007 – Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. *Телесный код русской культуры: материалы к словарю*. Москва: Гнозис.
- Долгополов 1973 – Ю.А. Долгополов. *Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков)*. Автореферат канд. дисс. ... филол. наук. Казань.
- Егоров 2011 – А.В. Егоров. *Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской)*. Екатеринбург: Уральское отделение Российской академии наук.
- Зимин – Спириин 1996 – В.И. Зимин, А.С. Спириин. *Пословицы и поговорки русского народа*. Москва: Сюита.
- Исаченко 1957 – А.В. Исаченко. *Morské oko – небольшое горное озеро. Этимологические исследования в честь академика Стефана Младенова*. Бъл-

- гарска академия на науките, Отделение за езикознание, етнография и литература*. Т. 1. София: БАН, 313–315.
- Иштрикова 2016 – Т.М. Иштрикова. Оценочность английских и французских паремий с компонентом-соматизмом. *Богатство финно-угорских народов. Материалы III Международного финно-угорского студенческого форума*. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 71–74.
- Керча 2007 – І. Керча. *Русиньско-російський словник: у 2 т. Понад 58 000 слів*. Ужгород: ПоліПрінт.
- Котова 2000 – М.Ю. Котова. *Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями*. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Ломакина 2009 – О.В. Ломакина. Фразеографический потенциал соматизма «глаз» (на материале текстологии Л.Н. Толстого). *Проблемы истории, филологии, культуры*, вып. 2 (24), 832–836.
- Ломакина 2015 – О.В. Ломакина. *Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание*. Диссертация ... доктора филологических наук. Санкт-Петербург.
- Ломакина – Мокиенко 2016 – О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков. *Русин* 3 (45), 119–129.
- Мелерович – Мокиенко 2001 – А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. *Фразеологизмы в русской речи. Словарь*. Москва: Русские словари.
- Микова 2009 – С.С. Микова. *Соматические речения в баснях И.А. Крылова*. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания, № 1, 36–41.
- Милутинович 2017 – Т. Милутинович. *Соматическая фразеология русского, сербского и французского языков (историко-этимологический анализ)*. Выпускная квалификационная работа магистра филологии. Рук. проф. В.М. Мокиенко. СПбГУ.
- Михельсон 1903–1905 – М.И. Михельсон. *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. СПб.: Типография Императорской академии наук.
- Мокиенко 2010 – В.М. Мокиенко. Из истории европейской соматической фразеологии (Kam s nohama?). In: D. Baláková, H. Walter (Hrsg.). *Phraseologische Studien. Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 252–267.
- Муравьев 1997 – В.Б. Муравьев. *Московские слова и словечки. Происхождение московских пословиц, поговорок, речений, песен, топонимика московских улиц, площадей и переулков*. Москва: Изограф.

- Ойноткинова 2011 – Н.Р. Ойноткинова. Соматический код культуры в пословицах и поговорках алтайцев. *Сибирский филологический журнал*, № 3, 5–14.
- Ошроева 2014 – К.В. Ошроева. Соматизмы в компаративных фразеологических единицах (на материале кабардино-черкесского и русского языков). *Вопросы кавказской филологии*, № 10, 182–186.
- Павлович 1959 – А.И. Павлович. *Чешско-русский словарь. С приложением краткого очерка грамматики чешского языка, составленного А.Г. Широковой. 52 000 слов*. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Пермяков 1985 – Г.Л. Пермяков. *300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок (для говорящих на болгарском языке)*. Москва – София: Русский язык.
- Поп 2011 – Д. Поп. *Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари*. Ужгород: ББК.
- Попова 2012 – А.Р. Попова. *Лексико-фразеологический комплекс как результат реализации креативного потенциала лексической единицы*. Орел: Горизонт.
- ПП 1991 – *Прислів'я та приказки. Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини*. Киев: Наукова думка.
- РБС 1995 – *Русско-белорусский словарь. В 3 тт.* Минск: Ин-т языкознания им. Я. Коласа.
- Русецкая 2010 – Й.Я. Русецкая. Фразеологические соматизмы русского и литовского языков. *Мир русского слова*, № 3, 27–30.
- Русецкая 2012 – Й.Я. Русецкая. *Концептуализация культурных стереотипов **душа** и **тело** в русской соматической фразеологии (с привлечением литовских параллелей)*. Автореферат канд. дисс. ... филол. наук. Москва.
- Рябинина 2005 – Н.А. Рябинина. *Когнитивная модель восприятия в русском языке (на материале фразеологизмов с компонентами «глаз», «ухо», «нос»)*. Автореферат канд. дисс. ... филол. наук. Томск.
- Рязановский 2002 – Л.М. Рязановский. «Быть на дружеской ноге» по-немецки. В: В. Мокиенко и др (ред.). *Слово. Фраза. Текст. Сборник научных статей к 60-летию М.А. Алексеенко*. Москва: Азбуковник, 295–300.
- Самедов 2016 – Д.С. Самедов, М.А. Гасанова. Арчинские паремиологические единицы с телесным кодом культуры. *Мир науки, культуры, образования*, № 3 (58), 257–260.

- Сычёва 2012 – Е.Н. Сычёва. Соматизмы в поэтических текстах Ф.И. Тютчева и в составе фразеологических единиц (ФЕ). *Вестник Брянского государственного университета*, № 2, 289–293.
- Тимошенко 1897 – И.Е. Тимошенко. *Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок*. Киев: Типография Петра Барского.
- Тунси 1984 – М. Тунси. *Лингвострановедческий анализ русских соматических фразеологизмов*. – Автореферат канд. дисс. ... филол. наук. Москва.
- Фелицына – Прохоров 1988 – В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров. *Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения*. Москва: Русский язык.
- Хайруллина 1996 – Р.Х. Хайруллина. *Картина мира в русской фразеологии*. Москва: Прометей.
- Цвиллинг 1984 – М.Я. Цвиллинг. *Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок*. Москва: Русский язык.
- Цзюнь 2001 – Т. Цзюнь. *Структурные и семантические особенности соматических фразеологизмов в русском и китайском языках*. Диссертация ... канд. филол. наук. Волгоград.
- Шин 1998: – Ц.М. Шин. *Структурно-семантическая характеристика русских соматических фразеологических единиц и их эквиваленты в японском языке*. Диссертация ... канд. филол. наук. Москва.
- Шумилина 2014 – О.С. Шумилина. Универсальное и национальное в соматической фразеологии английского и русского языков. *Иностранные языки*, № 25, 150–158.
- Flajšhans 1911 – V. Flajšhans. *Česká přísloví. Sbirka přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Cechách, na Moravě a v Slezsku. Díl I. Prísloví staročeská. Díl I (A-N), díl II (O-Ru)*. Praha, 1911–1913; V. Flajšhans. *Ceská přísloví. Sbirka přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Cechách, na Moravě a v Slezsku. Díl I. Prísloví staročeská. Díl I (A-N), díl II (O-Ru)*. 2-é, rozšířené vydání. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.
- Grigas 1987 – K. Grigas. *Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis*. Vilnius: Leydykla “Vaga”.
- Krawczyk-Tyrpa 1987 – A. Krawczyk-Tyrpa. *Frazeologia somatyczna w gwarach polskich: związki frazeologiczne motywowane nazwami części ciała*. Wrocław: Zakład Narodowy. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

- Mokienko – Wurm 2002 – V.M. Mokienko, A. Wurm. *Česko-ruský frazeologický slovník*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.
- NKP 1969–1978 – *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*. T. 1–4. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Paczolay 1997 – Gy. Paczolay. *European Proverbs in 55 Languages with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese*. Veszprem: Nyomda Rt.
- Röhrich 1991–1993 – L. Röhrich. *Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten*. Bd. 1–IV. Freiburg: Herder Freiburg.
- SČF 1983–1994 – *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. Díl 1–4. Praha: Academia.
- Stěpanova 2007 – L. Stěpanova. *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.
- VRČS 1952–1964 – *Velký rusko-český slovník*. Díl 1–6. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd.
- VRSS 1960–1970 – *Velký rusko-slovenský slovník*. Díl 1–5. Bratislava: Vyd-stvo Slovenskej Akadémie Vied.
- Walter 2013 – H. Walter. *Deutsch-Russische Sprichwörter. Historisch-etymologisches Wörterbuch mit europäischen Parallelen*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald.
- Walter – Mokienko 2002 – H. Walter, V. M. Mokienko. *Wörterbuch russischer Anti-Sprichwörter. Lehrmaterial für Studenten der Slawistik*. Greifswald: Institut für Slawistik.